

собственности, то Декларация поспешила заявить о ее «ненарушимом и священном» характере и прибавила, что «никто не может быть лишен собственности иначе, как в том случае, если того потребует *законом признанная* общественная необходимость, и при условии *справедливого предварительного вознаграждения*». Это было прямым отрицанием права крестьян на землю и на революционную отмену даже повинностей крепостного происхождения.

Буржуазия таким образом провозглашала свою либеральную программу: юридическое равенство перед законом и правительство, подчиненное народу, существующее только по его воле. И как все так называемые «программы-минимум» (перечисления *наименьших* требований), она оказалась программой-максимум, т. е. *наибольших* требований. Она означала, что, по мнению Собрания, *дальше* этого народу идти не следует, что он не должен касаться прав собственности, хотя они и установлены были крепостным строем и королевским деспотизмом, которые подлежали уничтожению.

Очень вероятно, что во время прений при составлении Декларации прав человека были высказаны и идеи социального характера, идеи равенства. Но они, очевидно, были отвергнуты. Мы не находим по крайней мере никаких следов их в Декларации 1789 г.¹ Даже мысль Сиейеса, что «если люди не равны в *средствах*, т. е. по богатству, по уму, по силе и т. д., то из этого не следует, что они не равны в *правах*»², - даже эта скромная мысль не нашла себе выражения в Декларации, выработанной Собранием. Вместо этих слов Сиейеса мы находим следующую формулировку первого пункта Декларации: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. *Социальные различия не могут быть основаны ни на чем ином, кроме общей пользы*». Это предполагает существование социальных различий, установленных законом ради общей пользы, и посредством этого неправильного предположения открывается доступ всем видам неравенства.

Когда мы перечитываем теперь Декларацию прав человека и гражданина, составленную в 1789 г., мы естественно задаем себе вопрос: имела ли вообще эта Декларация то влияние на умы, какое ей приписывают историки? Нет сомнения, что некоторые пункты Декларации оказали такое влияние. Так, пункт 1-й провозглашал равенство в правах всех людей; в пункте 6-м говорилось, что закон должен быть «одинаков для всех» и что «все граждане имеют право участвовать, лично или через своих представителей, в его создании»; пункт 10-й гласил, что «никто не должен быть преследуем за убеждения, даже религиозные, лишь бы проявление их не нарушало установленного законом общественного порядка», и, наконец, пункт 12-й заявлял, что общественная власть «учреждена на пользу всем, а не для личной пользы тех, кому она поручена». Нет никакого сомнения, что эти заявления в обществе, где еще существовали различные формы феодальной зависимости и где королевская фамилия смотрела на Францию как на свою вотчину, должны были произвести целую революцию в умах.

Но также несомненно и то, что Декларация 1789 г. никогда не имела бы того влияния, какое она приобрела впоследствии, в течение всего XIX в., если бы революция остановилась на этом заявлении буржуазного либерализма. К счастью, революция пошла дальше. И когда два года спустя, в сентябре 1791 г., Национальное собрание выработало текст конституции, оно присоединило к первой Декларации прав человека род Вступления в конституцию, заключавшего уже следующие слова: «Национальное собрание... безвозвратно отменяет учреждения, оскорблявшие свободу и равенство в правах». И дальше: «Не существует больше ни дворянства, ни пэрства³, ни наследственных отличий, ни сословных отличий, *ни феодального строя, ни вотчинного суда*, никаких титулов, наций и преимуществ, из них вытекавших: никаких рыцарских орденов, никаких корпораций или орденов, для которых требовались бы доказательства дворянского происхождения и которые предполагали бы те или другие прирожденные различия; никакого другого высшего положения, кроме положения чиновников при исполнении их обязанностей. Не существует больше ни цехов, ни старшин, ни корпораций в профессиях и искусствах или ремеслах (в этом последнем сказывается уже буржуазный идеал всемогущего государства). *Закон не признает больше ни религиозных обетов, ни других обязательств, противных естественным правам и Конституции!*»

Если мы вспомним, что этот вызов был брошен Европе, еще всецело погруженной в тьму всемо-

¹ В Америке, в некоторых штатах, народ потребовал провозглашения общего права нации на всю землю; но эта идея, предосудительная с буржуазной точки зрения, не была введена в Декларацию независимости.

² Пункт 16-й проекта Сиейеса. См.: *Guillaume J.* Op. cit., p. 30.

³ Пэры были нечто вроде русских бояр XVI в., род младших родственников короля.